

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

*неофициальный перевод
вступило в силу 11 апреля 2011 г.*

ДЕЛО «ЮРИЙ ЛОБАНОВ ПРОТИВ РОССИИ»

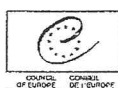
(Жалоба № 15578/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

2 декабря 2010 года

Данное постановление вступает в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может подвергнуться редакционной правке.

По жалобе «Юрий Лобанов против России»,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:

Кристос Розакис, *Председатель,*

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Хаджиев,

Джорджио Малинверни,

Георг Николау, *судьи,*

а также Андре Вампач, *Секретарь Секции,*

проведя заседание 9 ноября 2010 года за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 15578/03), поданной 23 апреля 2003 года в Европейский суд против Российской Федерации гражданином Российской Федерации Лобановым Юрием Ивановичем (далее – «заявитель») в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Власти Российской Федерации (далее – «Власти») были представлены В. Милинчук, являвшейся Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался на нарушение его права собственности.

4. 9 марта 2007 года Председатель Первой секции принял решение уведомить власти Российской Федерации о поданной жалобе.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1938 года рождения, проживает в г. Шуя Ивановской области.

6. Заявитель является держателем облигаций Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года общей номинальной стоимостью 19 845 «долговых рублей» (см. пункт 17 ниже).

7. В 1982 г. СССР выпустил облигации Государственного внутреннего выигрышного займа для финансирования отдельных государственных программ (см. пункт 13 ниже). По условиям займа,

физические лица могут инвестировать свои деньги в облигации Государственного выигрышного займа и выкупить их в любое время в течение срока действия займа под три процента годовых. Срок обращения был определен на двадцать лет. В этот период государством должно было организовать 160 тиражей, в которых некоторые облигации могли выиграть денежные призы.

8. В 1992 году Власти Российской Федерации признали свое правопреемство в отношении обязательств СССР по займам 1982 года и приостановили выплаты по облигациям Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года (см. пункт 14 ниже).

9. В период с 1995 по 2000 год в России было принято несколько законов, в которых предусматривается перевод советских ценных бумаг, в том числе займа 1982 года, в целевые долговые обязательства Российской Федерации (см. пункты с 16 по 20 ниже). Властям было поручено разработать процедуру перевода и установить стоимость целевых облигаций. Хотя положение о переводе было принято в 2000 году (см. пункт 21 ниже), фактический перевод не был начат, и применение положения в настоящее время по-прежнему остается приостановленным (см. пункт 22 ниже).

10. В начале 2002 года заявитель обратился в Министерство финансов Российской Федерации, чтобы узнать о возможности и сроках перевода его облигаций 1982 года в российские облигации. Письмом от 27 апреля 2002 года заместитель руководителя Департамента управления государственным внутренним долгом подтвердил, что облигации заявителя должны быть переведены в российские облигации в соответствии с Федеральным законом «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации». Заместитель руководителя далее разъяснил, почему перевод все еще не может быть произведен:

«Статьей 10 Федерального закона [О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации] предусмотрено, что порядок начисления доходов на целевые долговые обязательства Российской Федерации и порядок их обслуживания устанавливаются федеральными законами, которые до настоящего времени не приняты. В связи с этим, реальные выплаты в [российских] рублях по целевым долгам обязательствам в соответствии с Федеральным законом [о порядке перевода] не могут быть произведены, а также установление (официальное опубликование) величины долговой стоимости единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации не может иметь практической реализации до момента установления законодательством предметной области ее применения.

...

После принятия законопроектов о порядке начисления доходов на целевые долговые обязательства Российской Федерации и о порядке обслуживания целевых долговых обязательств Российской Федерации Министерством

финансов Российской Федерации будет проведена организационная работа по переводу государственных ценных бумаг СССР... в целевые долговые обязательства и по их обслуживанию, в том числе по проведению открытого конкурса среди кредитных организаций по определению агента по переводу...»

11. В ноябре 2002 года заявитель обратился в Верховный Суд Российской Федерации с иском о признании незаконным бездействия Правительства Российской Федерации в части неисполнения соглашения о принципах и механизме обслуживания внутреннего долга.

12. 4 декабря 2002 года Верховный Суд Российской Федерации отказал в принятии иска заявителя. Он указал следующее:

«Поскольку в силу конституционного принципа разделения властей суд не вправе в порядке гражданского судопроизводства обязать Правительство Российской Федерации принять какой-либо правовой акт при отсутствии непосредственного указания в законе на обязанность Правительства Российской Федерации осуществить правовое регулирование, жалоба в данной части не может быть принята к производству суда».

II. ПРИМЕНИМЫЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

13. Постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1980 года № 1220 был утвержден выпуск облигаций Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года, имеющих номинальную стоимость 25, 50 и 100 советских рублей. Их период обращения установлен на двадцать лет, с 1 января 1982 года по 1 января 2002 года. Советские граждане могли либо купить в 1982 году облигации на свои деньги, либо получить их в обмен на облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1966 года. В течение всего срока обращения займа облигации 1982 года могли свободно продаваться и покупаться у владельцев.

14. 19 февраля 1992 года принято Постановление Правительства Российской Федерации № 97 «О Государственном внутреннем выигрышном займе 1982 года и выпуске Российского внутреннего выигрышного займа 1992 года». Постановление устанавливало следующее:

«1. Подтвердить правопреемство Правительства Российской Федерации по обязательствам бывшего Союза ССР перед гражданами Российской Федерации по облигациям Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года.

2. Приостановить с 20 февраля 1992 года покупку и продажу облигаций этого займа и проведение тиражей выигрышей по нему.

3. Выпустить Российский внутренний выигрышный заем 1992 года.

...

6. Предоставить право гражданам Российской Федерации - владельцам облигаций Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года добровольно обменивать облигации на государственные ценные бумаги, в том числе облигации Российского внутреннего выигрышного займа 1992 года, ценные бумаги Сберегательного банка Российской Федерации, а также зачислять средства от продажи облигаций во вклады в учреждениях Сберегательного банка Российской Федерации с 1 октября 1992 года...»

15. Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 августа 1992 года № 549 решено, что в период с 1 октября 1992 года по 1 октября 1993 года Сбербанком России будет производиться выкуп облигации 1982 года и обмен их на облигации 1992 года из расчета 160 рублей за 100 рублей номинала облигаций.

16. 10 мая 1995 года был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации» (далее – Закон о защите сбережений). Государство гарантировало обеспечение сохранности сбережений граждан России, в том числе вложений в государственные ценные бумаги, размещенные СССР и РСФСР до 1 января 1992 года (статья 1). Указанные сбережения были признаны частью государственного внутреннего долга Российской Федерации, гарантированные совокупностью активов, находящихся в распоряжении Правительства Российской Федерации (статьи 2 и 3). Советские ценные бумаги должны были быть переведены в целевые долговые обязательства Российской Федерации с определенной долговой стоимостью (статьи 5 и 7). Порядок перевода советских ценных бумаг в целевые долговые обязательства Российской Федерации и порядок определения долговой стоимости должен быть установлен специально принятыми законами (статья 12).

17. Федеральным законом от 6 июля 1996 года № 87-ФЗ «О порядке установления долговой стоимости единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации» введено понятие «долговой рубль» в качестве единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации (статья 1). Фактическая стоимость «долгового рубля» должна была определяться исходя из изменения соотношения «контрольной стоимости» необходимого социального набора и «базовой стоимости» данного набора, определенного исходя из цен и тарифов 1990 года в целом по РСФСР (статья 2). «Контрольная стоимость» должна определяться на еженедельной основе Государственным комитетом Российской Федерации по статистике, а «базовая стоимость» устанавливается федеральным законом (статьи с 3 по 7). Власти должны были опубликовать текущую стоимость «долгового рубля» в течение одного месяца со дня вступления в силу Федерального закона.

18. Во исполнение Федерального закона от 6 июля 1996 года № 87-ФЗ «О порядке установления долговой стоимости единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации» был принят Федеральный закон от 4 февраля 1999 года № 21-ФЗ «О базовой стоимости необходимого социального набора». Он установил «базовую стоимость» в размере 464 советских рублей. Его действие было приостановлено с 1 января 2003 года по 1 января 2012 года последовательно принятыми федеральными законами (№ 176-ФЗ от 24 декабря 2002 года, № 186-ФЗ от 23 декабря 2003 года, № 173-ФЗ от 23 декабря 2004 года, № 189-ФЗ от 26 декабря 2005 года, № 238-ФЗ от 19 декабря 2006 года, № 198-ФЗ от 24 июля 2007 года и № 206-ФЗ от 24 ноября 2008 года).

19. 15 марта 1999 года Государственный комитет Российской Федерации по статистике утвердил процедуру определения «контрольной стоимости» (постановление № 19.).

20. Федеральный закон от 12 июля 1999 года № 162-ФЗ «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации» подтвердил, что облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года, которые все еще находятся в обращении в России, относятся к гарантированным сбережениям граждан Российской Федерации (статья 1). Статьи с 3 по 8 установили общие принципы для перевода облигаций в специальные целевые долговые обязательства Российской Федерации. Порядок обслуживания долга должен был регулироваться отдельным федеральным законом (статья 10). Статья 11 установила, что гарантии Закона о защите сбережений в полной мере применимы к ценным бумагам, которые не были переведены в целевые долговые обязательства Российской Федерации, и что на требования по восстанавливаемым ценным бумагам исковая давность не распространяется.

21. Во исполнение статьи 15 Федерального закона «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации», постановлением Правительства Российской Федерации от 29 января 2000 года № 82 утверждено Положение о порядке перевода государственных ценных бумаг СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации (далее – Положение о порядке перевода облигаций). Оно установило, что перевод в целевые долговые обязательства Российской Федерации будет выполняться путем нанесения на лицевую сторону восстанавливаемых ценных бумаг специальных отметок, удостоверяющих факт их перевода в целевые долговые обязательства Российской Федерации, а также вид, номинал и доход, причитающийся по целевым долговым

обязательствам Российской Федерации (статья 3). Переведенные облигации подлежат регистрации в соответствующем реестре, форма которого утверждается Министерством финансов Российской Федерации (статья 4). Процедуру перевода государственных ценных бумаг СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации осуществляет агент - кредитная организация, определяемая на конкурсной основе Министерством финансов Российской Федерации (статья 5).

22. Начиная с 2003 года реализация названного Положения № 82 неоднократно приостанавливалась Постановлениями Правительства Российской Федерации (№ 625 от 14 октября 2003 года, № 349 от 13 июля 2004 года, № 489 от 4 августа 2005 года, № 467 от 28 июля 2006 года, № 479 от 25 июля 2007 года, № 558 от 22 июля 2008 года, № 594 от 21 июля 2009 года и № 387 от 1 июня 2010 года).

23. 17 марта 2004 года Президиум Московского областного суда отменил в порядке надзора все судебные постановления по гражданскому делу, в котором граждане обжаловали в суд бездействие Правительства Российской Федерации, выразившееся в неустановлении стоимости «долгового рубля» (определение № 229). Он указал следующее:

«Заявленные К. и К.И. требования суду неподведомственны, поскольку суд не может вмешиваться в компетенцию органа исполнительной власти, понуждать его к совершению действий, изданию актов, относящихся к вопросам ведения этого исполнительного органа власти. Суд лишь вправе ... проверить соответствие принятых правовых актов Правительства Российской Федерации федеральным законам. К тому же такие требования неподсудны районным судам. В соответствии с ч. 1 ст. 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд прекращает производство по делу в случае, если дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1

24. Заявитель жаловался, не ссылаясь на какое-либо конкретное положение Конвенции, на нарушение его прав собственности из-за неспособности российских властей выполнять свои обязательства по облигациям Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года. Суд считает, что жалобы заявителя должны быть рассмотрены в рамках статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в

интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

А. Приемлемость

1. Совместимость ratione temporis

25. Суд отмечает, прежде всего, что облигации, которые рассматриваются в данном деле, были выпущены в 1982 году, то есть до ратификации Конвенции Российской Федерацией, которая произошла 5 мая 1998 года. Соответственно, Суд должен удостовериться, даже если это возражение не приводилось Властями в данном деле, имеет ли он компетенцию *ratione temporis* для рассмотрения данной жалобы (см. дело «Блечич против Хорватии» (*Blečić v. Croatia*) [GC], № 59532/00, § 67, ECHR 2006-...).

26. Суд повторяет, что его юрисдикция *ratione temporis* распространяется только на период после ратификации Конвенции или Протоколов к ней Государством-ответчиком. С момента ратификации все предполагаемые действия или бездействие государства должны соответствовать Конвенции или Протоколам к ней, и дальнейшие события подпадают под юрисдикцию Суда, даже если они являются только последствиями уже существующей ситуации (см. «Брониовски против Польши» (*Broniowski v. Poland*) (dec.) [GC], № 31443/96, § 74, ЕСПЧ 2002-Х).

27. Соответственно, к компетенции Суда относится рассмотрение фактов данного дела на предмет их совместимости с положениями Конвенции только в той мере, в какой они имели место после 5 мая 1998 года - дня ратификации Россией Протокола № 1. Он может, однако, принять к сведению обстоятельства, имевшие место до ратификации, поскольку они могут быть рассмотрены как факты, оказавшие влияние на ситуацию за рамками этой даты, или могут быть актуальны для понимания фактов, имевших место после указанной даты.

28. Фактической основой для жалобы заявителя в рамках Конвенции является предполагаемая невозможность российского государства обеспечить реализацию его права на погашение советских облигаций, которые он приобрел в 1982 году. После официального распада СССР в декабре 1991 года Власти России подтвердили свое

правопреемство в отношении обязательств по облигациям 1982 года и приступили к осуществлению программы по их погашению и обмену на новые российские облигации внутреннего займа (см. пункт 14 выше). Эта программа была прекращена в 1995 году после вступления в силу Закона о защите сбережений, который объявил облигации частью государственного внутреннего долга Российской Федерации и гарантировал перевод сбережений российских граждан, в том числе вложений в государственные ценные бумаги, размещенные СССР и РСФСР до 1 января 1992 года, в том числе облигаций 1982 года.

29. С принятием Закона о защите сбережений заявитель постоянно предъявлял требования к российскому государству по облигациям 1982 года. Эти требования существовали как на дату ратификации Конвенции Россией, так и на дату подачи жалобы в Суд. Несмотря на изменения в действии законодательства, которое было частично приостановлено, соответствующие положения Закона о защите сбережений никогда не отзывались и не перестали существовать. Кроме того, Закон «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации», принятый в 1999 году, явно признал существование права и оговорил, что срок исковой давности не применяется к требованиям в отношении ценных бумаг СССР, которые еще не были переведены в целевые долговые обязательства Российской Федерации (см. пункт 20 выше). Отсюда следует, что правовая основа требования заявителя, являющегося предметом жалобы в Суд, была установлена в национальном законодательстве на постоянной основе.

30. Отсюда следует, что в той мере, в которой заявитель жалуется на неспособность Российской Федерации обеспечить выполнение предусмотренного российским законодательством права — права, которое существовало 5 мая 1998 года, и существует по сей день — Суд обладает юрисдикцией для рассмотрения жалобы.

2. Совместимость *ratione materiae*

31. Власти не высказали своего мнения относительно того, считали ли они облигации 1982 года «имуществом» заявителя по смыслу статьи 1 Протокола № 1. Тем не менее, Суд должен убедиться в том, что он обладает юрисдикцией *ratione materiae* в любом деле, представленном на его рассмотрение. Противоположный подход означал бы, что если бы Государство-ответчик отказалось от своего права ссылаться или не воспользовалось правом настаивать на несовместимости, Суд был бы вынужден вынести постановление по существу жалобы против этого государства, касающейся права, не гарантированного Конвенцией (см. дело *Vlečić*, упомянутое выше).

32. Суд повторяет, что понятие «собственности» в первой части статьи 1 Протокола № 1 имеет автономное значение, которое не ограничивается собственностью на материальные объекты и не зависит от официальной классификации в национальном законодательстве: некоторые другие права и интересы, такие как долги, основные активы также можно рассматривать как «имущественные права», и, таким образом, как «имущество» для целей настоящего положения. Вопрос, который необходимо изучить, заключается в том, предоставляли ли заявителю обстоятельства дела, рассматриваемые в целом, право собственности на материальный интерес, гарантированный статьей 1 Протокола № 1 (см. дело *Broniowski (dec.)*, упомянутое выше, § 98).

33. Суд отмечает, что данное дело похоже на недавнее дело «Сулягич против Боснии и Герцеговины» (*Suljagić v. Bosnia and Herzegovina*), в котором было определено, что требования, возникающие в отношении сбережений в иностранной валюте, находящихся на хранении в югославских банках до распада Социалистической Федеративной Республики Югославии, составили «собственность» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 (№ 27912/02, §§ 34-36, 3 ноября 2009 года). Как и Сулягич, заявитель в данном случае решил вложить свои сбережения в облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года. В соответствии с условиями займа он приобрел право на погашение облигаций государством вместе с накопившимися процентами в любое время в течение всего периода обращения облигаций, который был установлен на двадцать лет, т.е. до 2002 года (см. пункт 13 выше). Как отмечалось выше, российское государство признало свое правопреемство в отношении обязательств СССР по облигациям 1982 года и приняло на себя обязательства по переводу их в специальные российские облигации, которые могли быть обменены на наличные деньги после определения их стоимости. Таким образом, Суд считает, что заявитель имел и в настоящее время имеет претензии в отношении «собственности» по смыслу статьи 1 Протокола № 1.

34. Отсюда следует, что жалоба совместима *ratione materiae* с положениями Конвенции.

3. *Coответствие ratione personae*

35. Власти указали на то, что облигации 1982 года являлись обязательством СССР.

36. Европейский суд отмечает, что в Постановлении Правительства Российской Федерации от 19 февраля 1992 г. № 97 прямо подтверждено правопреемство по облигациям бывшего СССР в отношении выплаты по ним российским гражданам в связи с Государственным внутренним выигрышным займом 1982 года (см.

пункт 13 выше). Те же гарантии содержались в статьях 1-3 Закона о защите сбережений от 1995 года, который объявил облигации СССР, включая облигации 1982 года, частью государственного внутреннего долга Российской Федерации, гарантированного совокупностью активов, находящихся в распоряжении Правительства Российской Федерации (см. пункт 16 выше). Поэтому очевидно, что российское государство приняло на себя обязательство по выплате задолженностей по этим облигациям. Поскольку заявитель является гражданином России и держателем облигаций 1982 года, он, несомненно, мог воспользоваться своим правом требования выплаты.

37. Из этого следует, что Российская Федерация добровольно согласилась принять на себя ответственность в отношении осуществления заявителем его права и что по данной жалобе не возникает вопроса о соответствии *ratione personae*.

4. Исчерпание внутренних средств правовой защиты

38. И, наконец, Власти утверждали, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты, поскольку не обращался с жалобами ни в районный суд, ни в прокуратуру.

39. Заявитель ответил, что такого рода вопросы не относились к подсудности районного суда.

40. Суд отмечает, что Власти не ссылались ни на какие пункты закона или примеры практики в подтверждение своего утверждения о том, что районный суд или прокуратура смогли бы обеспечить получение компенсации по жалобе на бездействие Правительства Российской Федерации в связи с неприятием соответствующего законодательства. Ранее отмечалось, что Президиум Московского областного суда, вынося определение по аналогичной жалобе на бездействие властей, указал, что такие жалобы не подсудны районным судам не могут рассматриваться с вынесением решения в порядке гражданского судопроизводства (см. выше, пункт 23). Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей относительно неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

5. Заключение о приемлемости жалобы

41. Что касается соответствия статье 1 Протокола № 1, Европейский суд считает, что жалоба затрагивает серьезные спорные правовые вопросы на основании Конвенции, решение которых требует рассмотрения дела по существу.

42. Оснований считать жалобу неприемлемой найдено не было. Следовательно, она является приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

43. Власти утверждали, что в 1992 году Российская Федерация приняла на себя обязательства СССР по облигациям 1982 года, предоставив держателям таких облигаций возможность продать их Сбербанку России, либо перевести в облигации 1992 года. Заявитель не обращался ни к одному из указанных способов.

44. Заявитель утверждал, что оба эти варианта были доступны только в период с 1992 по 1995 годы, в период сильной инфляции и резкой девальвации российской валюты и, соответственно, финансово были невыгодны для владельцев облигаций. Он указал, что российское государство признало свой долг по облигациям 1982 года, но российские власти ничего не сделали для того, чтобы погасить его, несмотря на принятые к тому времени федеральные законы.

2. Оценка Суда

45. Суд в самом начале отмечает, что в целях статьи 1 Протокола 1 «собственность» заявителя заключалась в его праве на получение определенного рода компенсации или выплаты средств по облигациям 1982 года. Как отмечалось выше, хотя долг по облигациям был признан российским государством в ряде законодательных актов, отсутствие нормативных документов о порядке реализации этих актов сделало погашение облигаций невозможным. Жалоба заявителя, соответственно, была вызвана отсутствием правовой регламентации его права и специально разработанной процедуры по обслуживанию названных облигаций. Этот нюанс отличает настоящее дело от тех дел, в которых законодательная база уже была принята, но заявители не были удовлетворены суммой компенсации (см., к примеру, дело «Грищенко против России» (dec.) № 75907/01 от 8 июля 2004 г.) С другой стороны, Европейский суд за последнее время имел возможность изучить ряд дел, по существу аналогичных данному, в которых речь шла об отсутствии нормативной базы для выплаты компенсации в отношении разного рода облигаций «Урожай-90» (см. «Малыш и другие против России», № 30280/03 от 11 февраля 2010 г; «СПК Димский против России», №. 27191/02 от 18 марта 2010 г; и «Тронин против России», № 24461/02 от 18 марта 2010 г.). При анализе данного дела можно опираться на выводы, сделанные по прошлым делам.

46. Суд повторяет, что границы между позитивными и негативными обязательствами согласно статье 1 Протокола № 1 не поддаются точному определению. Применимые принципы, тем не менее, аналогичны. Независимо от того, рассматривается ли дело с

точки зрения позитивной обязанности государства или с точки зрения вмешательства со стороны публичных властей, которое может быть оправдано, по существу, применимые критерии не различаются. В обоих случаях необходимо обращать внимание на справедливый баланс между общественными интересами и интересами индивида. Также признается правильным то, что цели, упомянутые в данном положении, могут иметь значение при оценке того, был ли установлен баланс между общественными интересами и основополагающим правом на частную собственность заявителя. В обоих случаях государство обладает определенной свободой усмотрения при определении того, какие шаги должны быть предприняты для того, чтобы выполнить условия Конвенции (см. дело «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland* [GC]), жалоба № 31443/96, § 144, ЕСПЧ 2004-V, и «Хэттон и другие против Соединенного Королевства» (*Hatton and Others v. the United Kingdom* [GC]), жалоба №. 36022/97, §§ 98 и след., ЕСПЧ 2003-VIII).

47. В настоящем деле жалоба заявителя на нарушение статьи 1 Протокола № 1 касалась того, что российское государство, предоставив ему право требовать погашения облигаций 1982 года, не обеспечило возможность воспользоваться этим правом, в течение многих лет отказываясь принимать нормативные документы для его реализации. Эту ситуацию лучше всего рассматривать как препятствие со стороны государства в эффективном осуществлении права, предусмотренного статьей 1 Протокола № 1 или как отказ в обеспечении реализации этого права (сравните дела *Broniowski*, § 146, и «Мальш и другие», § 75, упомянутые выше).

48. Суд должен определить, было ли поведение российского государства оправданным с точки зрения принципов законности, имело ли оно законную цель для соблюдения общественных интересов и поддерживался ли справедливый баланс между общественными интересами и правом заявителя на уважение его собственности (подробное описание этих принципов см. в деле *Broniowski*, упомянутом выше, §§ 147-151).

49. Что касается требований законности, Европейский суд отмечает, что действие Федерального закона «О базовой стоимости необходимого социального набора» и одобренного государством Положения о порядке перевода облигаций, которые вместе являются необходимыми элементами для осуществления перевода облигаций 1982 года в целевые долговые обязательства Российской Федерации, неоднократно приостанавливалось путем ежегодного принятия нормативных правовых актов и федеральных законов (см. §§ 18 и 22 выше). Поэтому Европейский суд убежден, что вмешательство в право или ограничение права заявителя на уважение его собственности было «предусмотрено законом» в соответствии со статьей 1 Протокола № 1.

50. Относительно законной цели в пользу общественных интересов Европейский суд уже отмечал в постановлении по делу «Мальши и другие», что в 90-е годы российское государство пережило бурный переход от контролируемой государством к рыночной экономике. Его экономическое благополучие затем было подорвано финансовым кризисом 1998 года и резкой девальвацией национальной валюты. И, несмотря на то, что оно достигло относительного преуспеяния и благосостояния в последующие годы, Европейский суд соглашается, что определение бюджетных приоритетов в форме предоставления преимущества расходам на неотложные социальные нужды по сравнению с требованиями чисто имущественного характера представляло собой законную цель, преследующую общий интерес (см. дело «Мальши и другие», § 80, упомянутое выше).

51. По вопросу о соблюдении справедливого баланса между общественными интересами и правами заявителя, Европейский суд повторяет, что принцип верховенства закона, лежащий в основе Конвенции, и принцип законности в статье 1 Протокола № 1 требуют, чтобы государства не только соблюдали и применяли, но также, как следствие этой обязанности, обеспечивали законные и реальные условия для ее осуществления (см. дело *Broniowski*, упомянутое выше, §§ 147 и 184). В рамках данного дела эти принципы требовали, чтобы российское государство в нужное время, последовательно и надлежащим образом выполняло обещания, данные в законодательных актах относительно жалоб, связанных с выплатой по облигациям 1982 года (сравните дело «Мальши и другие», § 82, упомянутое выше). В частности, на власти возлагалась обязанность принимать законы о порядке реализации прав владельцев ценных бумаг с целью удовлетворения обязательства, которое было сформулировано в принятом Законе о защите сбережений и последующих законодательных актах.

52. Сразу после принятия Закона о защите сбережений в 1995 году Власти Российской Федерации приняли ряд законодательных актов, которые требовались для его успешной реализации, такие как Федеральный закон 1996 года «О порядке установления долговой стоимости единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации», Федеральный закон 1999 года «О базовой стоимости необходимого социального набора» и Федеральный закон 1999 года «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации». Эти законодательные акты легли в основу законодательной базы, необходимой для реализации прав владельцев ценных бумаг, которые продолжали считаться частью государственного внутреннего долга. В начале 2000 года Правительство Российской Федерации приняло Положение о порядке

перевода облигаций. Однако по причинам, которые остаются непонятными Европейскому суду, так как Власти не предоставили никаких объяснений, начиная с 2003 года применение и реализация существующей законодательной базы, регулирующей погашение облигаций 1982 года, постоянно, год за годом, откладывались. Имеющаяся у Европейского суда информация не позволяет понять, принимали ли российские Власти в тот период какие-либо меры для удовлетворения жалоб, связанных с погашением этих ценных бумаг. Соответствующее сбалансированное обслуживание, определяющее точную сумму, необходимую для выплаты долга по облигациям при наличии других приоритетных расходов, оказалось невозможным в силу отсутствия необходимых цифр, таких как количество и общая стоимость оставшихся ценных бумаг. Хотя Суд соглашается с тем, что радикальная реформа российской политической и экономической системы, а также состояние национальных финансов могло служить оправданием особых финансовых ограничений реализации прав чисто имущественного характера, он считает, что российские Власти не сумели представить убедительных обоснований, в соответствии со статьей 1 Протокола № 1, многолетнего отказа в осуществлении права, предоставленного заявителю российским законодательством (для сравнения см. дело «Мальш и другие», § 83, упомянутое выше).

53. Что касается поведения заявителя, Европейский суд не обладает компетенцией *ratione temporis* для изучения вариантов, которые имелись в распоряжении владельцев ценных бумаг до ратификации Конвенции и Протокола. Однако Суд отмечает, что с принятием Закона о защите сбережений он на законных основаниях ожидал получения какой-то компенсации или возмещения стоимости своих ценных бумаг. Он не оставался пассивным, наоборот, проявлял активность, отправляя запросы в компетентные органы и подавая иски во внутренние судебные инстанции. При таких обстоятельствах нельзя сказать, что заявитель несет ответственность или виновен в том состоянии дел, относительно которого он подал жалобу (сравните дело *Broniowski*, § 181, и дело «Мальш и другие», § 84, упомянутые выше). Напротив, как Суд установил на основе доказательств, ему предоставленных, только Государству-ответчику можно вменить в вину препятствие к осуществлению права на уважение собственности.

54. Европейский суд считает, что российские власти постоянно приостанавливали действие положений законодательных и иных нормативных актов, являвшихся базой для осуществления заявителем права на погашение облигаций 1982 года, и годами отказывали реализовывать на практике процедуру применения такого права, что держало заявителя в состоянии неуверенности, которая сама по себе несовместима с обязательством, вытекающим из статьи 1 Протокола № 1, по осуществлению права на уважение собственности, в

особенности в том, что касается своевременных действий, выполняемых последовательно и соответствующим образом, когда на кону стоят общественные интересы (см. дело *Broniowski*, §§ 151 и 185, и дело «Мальши и другие», § 85, упомянутые выше).

55. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

56 Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб

57. Заявитель утверждал, что он является владельцем облигаций 1982 года общей номинальной стоимостью в 19 845 «долговых рублей». Согласно Федеральному закону «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации», проценты по конвертируемым ценным бумагам следует увеличивать по ставке не ниже 10 процентов годовых, следовательно, текущая стоимость его облигаций составила 39 690 «долговых рублей». В январе 2003 года стоимость «долгового рубля» составляла 32 российских рубля; его текущая стоимость неизвестна. Умножив последнюю известную величину «долгового рубля» на текущую номинальную стоимость его облигаций с учетом инфляции за время, которое прошло с 2003 года, заявитель оценил свой материальный ущерб в 1 500 000 рублей.

58. Власти заявляют, что у заявителя отсутствует право на выплату какой-либо компенсации в связи с отсутствием нарушения его прав.

59. Европейский суд считает, что вопрос о применении статьи 41 относительно материального ущерба не готов к разрешению. Соответственно, его рассмотрение следует перенести и затем установить процедуру, с учетом любого соглашения, которое может быть достигнуто между Властями и заявителем (пункт 1 Правила 75 Регламента Суда).

В. Моральный вред

60. Заявитель просил Суд определить надлежащий размер компенсации морального вреда.

61. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не предоставил никаких доказательств причинения ему морального вреда.

62. Европейский суд вновь настаивает на своей постоянной позиции о том, что от заявителя нельзя требовать никаких доказательств морального вреда, который он (она) понесли (см., среди прочего, дело «Антипенков против России», № 33470/03, § 82, от 15 октября 2009 г.; «Пшеничный против России», № 30422/03, § 35, от 14 февраля 2008 г.; «Гарабаев против России», № 38411/02, § 113, ECHR 2007-VII (выдержки); и «Гридин против России», № 4171/04, § 20, от 1 июня 2006 г.). Далее он считает, что заявитель, вероятно, испытывал беспокойство и переживал из-за длительного отказа властей разработать процедуру для урегулирования его права. Давая оценку на беспристрастной основе, Суд присуждает заявителю 1 800 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

С. Судебные издержки и расходы

63. Заявитель не требовал компенсации судебных расходов и издержек. Следовательно, нет необходимости присуждать компенсацию по данному пункту.

Д. Процентная ставка при просрочке платежей

64. Европейский суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Объявляет* жалобу приемлемой.
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

3. *Постановляет*, что вопрос о применении статьи 41 относительно материального ущерба не готов к разрешению:
- (а) *откладывает* рассмотрение данного вопроса;
  - (б) *предлагает* Властям Российской Федерации и заявителю в течение шести месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции представить свои письменные замечания по данному вопросу, в частности, уведомить Суд о любом соглашении, к которому они могут прийти за это время;
  - (с) *откладывает* проведение дальнейшей процедуры и *делегировать полномочия* Председателю Палаты назначить ее при необходимости;

4. *Постановил*

- (а) что власти государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного Постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 1 800 (одну тысячу восемьсот) евро в качестве компенсации морального вреда в российских рублях по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму;
- (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;

Составлено на английском языке, уведомление направлено в письменном виде 2 декабря 2010 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Андре Вампач
Заместитель Секретаря Секции

Кристос Розакис
Председатель Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается совпадающее мнение судьи Малинверни.

C.L.R.
A.M.W.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАЛИНВЕРНИ

(Перевод)

В настоящем деле я присоединяюсь к остальным своим коллегам в признании нарушения статьи 1 Протокола № 1. Однако мне достаточно трудно согласиться с аргументами, которые привели Суд к такому выводу.

В пункте 46 постановления Суд указывает, что данное дело можно рассматривать с точки зрения вмешательства в право заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом или с точки зрения позитивных обязательств государства, при условии что «согласно статье 1 Протокола № 1 границы между позитивным и негативным обязательствами государства не поддаются точному определению».

Можно только согласиться с этим утверждением. Однако я придерживаюсь мнения, что при выборе между этими двумя подходами Суду следовало бы выбрать то, что он считает более целесообразным и затем придерживаться этого выбора.

Однако в постановлении этого не сделано. Уже в пункте 47 говорится, что «[эту] ситуацию лучше всего рассматривать как препятствие в эффективном осуществлении права».

В пунктах с 48 по 50 предпочтение отдается вмешательству, поскольку в них дается оценка с точки зрения законности, наличия законной цели и пропорциональности.

Но уже в пункте 51 мы видим, что Суд возвращается к подходу позитивного обязательства, утверждая, что «(в) рамках данного дела эти принципы требовали, чтобы российское государство в нужное время, последовательно и соответствующим образом, выполняло обещания, данные в законодательных актах относительно жалоб, связанных с выплатой по облигациям 1982 года». То же самое применимо к пунктам с 52 по 54.

Я считаю такое переключение с одного подхода на другой неудовлетворительным. На мой взгляд, данное дело следовало бы рассматривать исключительно с позиции позитивных обязательств государства принимать законодательные акты. Как отмечалось в самом постановлении, «хотя долг по облигациям был признан российским государством в ряде законодательных актов, отсутствие нормативных документов о порядке реализации этих актов сделало погашение облигаций невозможным» (пункт 45).

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации не ошибся, отказав заявителю в иске на том основании, что «[в] силу конституционного принципа разделения властей суд не вправе в порядке гражданского судопроизводства обязать Правительство Российской Федерации принять какой-либо правовой акт ...» (пункт 12).